

ОТНОШЕНИЯ ПЛЕМЕНИ И ГОСУДАРСТВА: ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

Томас Барфилд

Обсуждение природы отношений племени и государства на Ближнем Востоке часто порождает споры, так как обычно считается, что все племенные народы, исповедующие ислам, в своих основных характеристиках сходны. В этой статье показывается, что в данном регионе были представлены два типа племенной культурной традиции с присущими им различными формами политической организации: 1) эгалитарно-линиджевые группы, описанные Ибн Халдуном и связанные с региональными государствами в Аравии и Северной Африке, и 2) тюрко-монгольские племенные конфедерации, связанные с империями Иранского и Анатолийского нагорий. Динамика государственно-племенных отношений во многом зависела от типов взаимодействующих племён и государств. Тюрко-монгольские племена основывали династии и создавали крупные конфедерации, хищнически грабившие соседей. Арабские племена устанавливали с региональными государствами, с которыми у них были

общие культурные традиции, более симбиотические отношения. Региональные государства редко соседствовали с крупными племенными конфедерациями, поскольку те, если оказывались рядом, обычно поглощали региональные государства. Эгалитарные племена успешно защищали свою самостоятельность, если им позволяли это сделать условия местности. Тюрко-монгольские конфедерации были ограничены областями травянистых нагорий и потому не представляли собой угрозы для бедуинских племён в пустыне. Оседлые племена, населявшие горные районы, успешно отражали нападения как племенных конфедераций, так и имперских государств.

Ключевые слова: племенные конфедерации, эгалитарные линиджи, эгалитарная (арабская) модель племени, иерархическая (центральноазиатская) модель племени, имперские государства, кочевники, тюрко-монгольские народы, 'асабийя, надплеменная организация, сегментарная оппозиция, конический клан.

Томас Барфилд, PhD, профессор Бостонского университета, г. Бостон, США.

Thomas J. Barfield, PhD, Professor of Boston University, Boston, USA.

E-mail: barfield@bu.edu

Дмитрий Владимирович Рухлядев (перевод), кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, г. Москва, Россия.

Dmitry Rukhliadev (translation), PhD, Researcher, Institute of Linguistics, Moscow, Russia.

E-mail: rukhliadev@mail.ru

¹Перевод выполнен по изданию: *Thomas J. Barfield. Tribe and State Relations: The Inner Asian Perspective // Tribes and State Formation in the Middle East / ed. by Philip S. Khoury and Joseph Kostiner. Berkeley; Los Angeles, 1990. P.153—182.*

Отношения между племенами и государствами на Ближнем Востоке до сих пор остаются в центре дискуссии антропологов, историков и политологов, так как племенные народы никогда не исчезали с политической сцены региона. Начиная с первого исламского завоевания любой перечень возникавших здесь крупных империй и династий напоминает переключку племён, выступивших основателями империй: Сельджукиды, Газневиды, мамлюки (стоящие несколько особняком), Монголы, Тимуриды, Османы, Моголы, Кызылбаши и Каджары (это лишь некоторые, наиболее значительные из них)². Не менее важную роль играли многочисленные племенные группы, сохранявшие устойчивую социальную и политическую сплочённость в противостоянии с государственной властью, — например, берберы Марокко, бедуинские племена Аравии и Ливийской пустыни, курды Загроса, пуштуны Афганистана и племенные конфедерации Ирана (бахтияры, шахсевены, кашкайцы и др.). Правители Ближнего Востока всегда с вниманием относились к племенным народам, обитавшим на их территории, поскольку, несмотря на свою относительную малочисленность, эти народы были достаточно сильны, чтобы сопротивляться политике подавления или усмирения.

Хотя исследователи Ближнего Востока считают такую ситуацию естественной, для других частей мира столь длительное сосуществование государств и племён на одной территории было необычным. Необычным было и то, что племенные народы выступили основателями такого большого количества правящих династий. Только на Ближнем Востоке племенные народы постоянно присутствовали на политической сцене — как на окраинах региона, так и внутри всех составляющих его стран. В других областях оседлой цивилизации племенные группы уже давно находились в упадке, будучи оттеснёнными в периферийные, не представляющие большой важности районы. В Западной Европе могущественные племена германцев, кельтов и готов, наводнившие средиземноморский мир вслед за падением Римской империи в V в., вскоре утратили свою политическую организацию и идентичность. К 1000 г. вся Европа, даже та её часть, которая не входила в состав бывшей Римской империи, стала свидетельницей исчезновения племенной организации (за исключением отдалённых областей Шотландии и Ирландии или окраин южнорусской степи) (Bloch 1961). Точно так же монгольские и маньчжурские племена Северо-Восточной Азии, даже под властью самых могущественных из основанных ими династий, оказывались неспособными сохранить единство, как только проникали к югу от Великой стены, в Китай (Lattimore 1941). Напротив, Иран и Анатолия между 1000 и 1500 гг. пережили серию вторжений тюрко-монгольских народов, завершившихся созданием могущественных империй, управляемых элитами племенного происхождения, в пределах которых племенные группы оставались

²Здесь и далее этнические наименования иногда используются в качестве названия династий и империй и пишутся с прописной буквы (Монголы, Кызылбаши). Мамлюки пишутся со строчной буквы, потому что это название сословия. Исторические термины выделяются курсивом. — *Прим. пер.*

в неприкосновенности. В других частях региона автохтонные племенные группы, населявшие горные и пустынные области, сохраняли свою идентичность в борьбе с окружавшими их государствами.

Ещё в XIV в. североафриканский историк и социолог Ибн Халдун проанализировал циклы отношений между племенными народами и оседлыми государствами на Ближнем Востоке (Ibn Khaldun 1967: 91—122). Он утверждал, что слабые династии в оседлых государствах были слишком уязвимы, чтобы противостоять нападениям и попыткам свержения со стороны племён, превосходивших их в военном отношении и обладавших *'асабийей*, или групповой солидарностью. *'Асабийя* являлась продуктом тесных родственных связей или отношений типа «патрон-клиент», получивших особенно сильное развитие у племенных народов. Во время войн такие связи более эффективно обеспечивали взаимопомощь и организацию совместных действий, чем слабые политические и экономические интересы, лежащие в основе действий наёмных армий, используемых государствами. Тем не менее династии племенного происхождения, добивавшиеся успеха в установлении власти в оседлых регионах, неизменно утрачивали свою *'асабийю*, как только начинался процесс их аккультурации городской цивилизацией; срок существования таких династий обычно составлял всего 3—4 поколения. Кроме того, хотя племенные народы время от времени представляли собой военную угрозу для соседей, в целом они находились в экономически невыгодном положении при взаимодействии с государствами, так как зависели от урбанизированных регионов как от рынков, на которых можно было продавать излишки скота, покупать зерно, получать сельскохозяйственные орудия, оружие и другие ремесленные товары, необходимые для выживания. Ибн Халдун описывает эту ситуацию на примере бедуинов: «Если [бедуины] нуждаются в городах для удовлетворения своих жизненных потребностей, то жители городов нуждаются [в бедуинах] для приобретения необязательных и дополнительных товаров <...> Бедуинам приходится действовать в интересах городов и подчиняться им всякий раз, когда [города] просят и требуют от них подчинения» (Ibn Khaldun 1967: 122).

Современная этнографическая литература о племенных народах на Ближнем Востоке переключается со многими из этих тем — настолько, что целый ряд моделей племенной организации и власти явно или неявно следует формулировкам Ибн Халдуна (Gellner 1981). Однако Ибн Халдун брал большинство своих примеров из жизни племён Северной Африки и Аравии, которые были в политическом отношении эгалитарными и не могли организовывать большие группы населения без обращения к неплеменным лидерам. Хотя такие племена ревностно оберегали свою самостоятельность от посягательств извне, они редко создавали крупные империи. Напротив, племена, пришедшие на Ближний Восток из Центральной Азии, часто играли ведущую роль в создании империй. По своей социальной структуре и политической организации они весьма отличались от племён, знакомых Ибн Халдуну, так как приносили с собой традицию иерархической власти, позволявшую инкорпорировать множество различных племенных групп в состав

больших и могущественных конфедераций. Движимые чем-то большим, чем локализованной *'асабийей*, они основали большинство крупных империй региона, и их династии надолго пережили цикл политического упадка и ротации из четырёх поколений, зафиксированный Ибн Халдуном у династий североафриканского и аравийского происхождения. Следовательно, чтобы разобраться в отношениях между племенами и государствами, для начала нужно ответить на два взаимосвязанных вопроса: о каких типах племён идёт речь и с какими типами государств они взаимодействовали?

ДЕФИНИЦИИ

Государства на Ближнем Востоке подразделялись на две большие категории, отличавшиеся совершенно разной динамикой: крупные империи и мелкие региональные государства. Империи представляли собой централизованные державы, контролировавшие множество разнообразных народов и территорий, чьи ресурсы могли быть мобилизованы против племенных народов внутри государства и на его границах. Их политические структуры были чрезвычайно стабильными, династии — долговечными; кроме того, они располагали большими регулярными армиями. Региональные государства, напротив, были организованы на базе гораздо более ограниченного числа ресурсов, позволявших содержать лишь относительно слабые армии, неспособные достаточно уверенно контролировать даже внутреннюю территорию этих государств. Их политические структуры были в своей основе нестабильны и подвержены периодическим коллапсам. В поздний доисламский период тот регион, который мы сегодня называем Ближним Востоком, был поделён между Римской империей на западе и Парфяно-Сасанидской империей на востоке. На короткое время в раннеисламский период большая часть региона была объединена под властью арабов, но их империя быстро распалась на множество независимых региональных государств. Начиная с этого момента государства с имперской структурой возникали почти исключительно на Иранском и Анатолийском нагорьях и управлялись династиями тюрко-монгольского происхождения. Наибольшей стабильности они достигли под властью Османской (в Анатолии) и Сефевидской (в Иране) династий. Северная Африка, Египет и Аравия никогда не объединялись вновь после исламского завоевания, за исключением кратковременного периода, когда они вошли в состав Османской империи как её периферийные части.

В отличие от государств, племенные политические структуры опирались, в теории, на модель родственных отношений, в рамках которых возникали группы, согласованно действовавшие в интересах организации производства, поддержания внутреннего политического порядка и защиты своих членов от посягательств извне. Отношения между людьми и группами в таких системах строились скорее по социальному, чем по территориально-географическому принципу. Политические и территориальные единицы,

образованные племенными структурами, существовали прежде всего как продукты социальных отношений: право на пользование землёй и изгнание чужаков основывалось на принадлежности к тому или иному племени. Неплеменные группы обычно организовывались по обратной модели: социальные коллективы идентифицировали себя в терминах занимаемой ими общей территории, системы культурных представлений или политической принадлежности. Хотя племенная организация на Ближнем Востоке была, как правило, характерна для кочевых скотоводов, оседлые племена, населявшие окраинные области гор и пустынь, например, берберы, курды и пуштуны, вероятно, не уступали кочевникам по численности.

Сама по себе концепция племени, однако, отнюдь не легко поддаётся точному определению, как только мы переходим из области обобщений к отдельным частным случаям, что наглядно демонстрируют другие очерки в этой книге³. Очень важно провести грань между племенем как наиболее крупной единицей инкорпорации, основанной на генеалогической модели, и племенным вожеством или конфедерацией, объединяющим племена в целях создания надплеменной политической общности. Ввиду того, что племенные системы строятся по сегментарному принципу, когда более мелкие единицы последовательно инкорпорируются в более крупные, часто полагают, что результат действия одних и тех же принципов, применяемых ко всё более широкой группе людей, можно обнаружить на любом уровне. Однако это не так.

Зачастую то, что считается «действительными» родственными отношениями (основывающимися на общем происхождении и родстве через брак или усыновление), на практике наблюдается лишь внутри небольших племенных единиц: малых семей, больших семей и локальных линиджей⁴. На более высоких уровнях инкорпорации кланы и племена нередко устанавливают отношения с более выраженной политической окраской: группы, ведущие своё происхождение от клиентов или рабов и не имеющие генеалогических связей с племенем, тем не менее интегрируются в его состав; возникают союзы или конфликты между родственными группами, выглядящие как нарушение их генеалогических хартий; устанавливаются формы взаимодействия, идущие вразрез с родственными связями; имеет место откровенная фальсификация письменных или устных генеалогий. Однако лишь на уровне конфедерации эти аномалии проявляют себя в полной мере. Конфедерациям нет необходимости состоять из генеалогически родственных племён, так как здесь сегментарный принцип применяется в обратном иерархическом порядке; учреждение нового политического строя представляет собой продукт реорганизации, проводимой сверху, а не результат объединения снизу.

³ В «Tribes and State Formation in the Middle East». — *Прим. пер.*

⁴ Под линиджем автор подразумевает сравнительно небольшую группу родственников, возводящую себя к общему предку, в которой известны и значимы действительные родственные связи. Группы большего размера, члены которых также претендуют на общее происхождение, но действительные родственные связи неизвестны или маловажны, называются кланами. Клан может охватывать большие группы линиджей. — *Прим. пер.*

Вопрос о том, являлись ли когда-либо племена на самом деле генеалогически родственными, породил чрезвычайно острые дебаты среди историков, предлагавших различные варианты интерпретации племенного развития (см.: Tarrow 1990). С антропологической точки зрения эта проблема оказывается проще, чем кажется на первый взгляд. Чем ниже мы спускаемся по уровням любой племенной системы, тем больше данная система опирается на действительные родственные и свойственные связи; чем выше мы поднимаемся внутри неё, тем более политизированными становятся отношения в этой системе. Следовательно, акцент в дискуссии следует перенести на более широкий вопрос о том, почему некоторые племенные объединения оказывались способными к более масштабной экспансии, чем другие.

В своей программной статье, в которой он сравнивает племенные культуры Ближнего Востока и Центральной Азии, Чарльз Линдхолм указал на ярко выраженные структурные различия между иерархической тюрко-монгольской культурной традицией Центральной Азии и эгалитарной культурной традицией коренных племён Ближнего Востока (Lindholm 1986). И хотя внимание Линдхолма было в основном сосредоточено на природе родственной организации и её связях с политическими идеологиями, его анализ содержит важные предпосылки для понимания взаимоотношений племени и государства. Этому анализу можно дать более широкое применение и показать, что на Ближнем Востоке как племена, так и государства подразделяются на два различных типа: тюрко-монгольский иерархический и арабский эгалитарный — каждый с собственной политической структурой и своеобразным историческим развитием.

Если мы пристальнее взглянем на ход истории Ближнего Востока в средние века и в новое время, то обнаружим, что тюрко-монгольская и арабская модели взаимодействия развивались в двух преимущественно обособленных регионах с различными племенными культурными традициями и типами государственной организации: (1) пустыни Северной Африки и Большой Аравии⁵, а также горные области по всей территории региона, обычно занятые мелкими региональными государствами и населённые как кочевниками-бедуинами, так и оседлыми племенами вроде берберов, курдов и пуштунов с издавна присущими им эгалитарными линиджевыми структурами; (2) зоны Иранского и Анатолийского нагорий, контролируемые, как правило, большими империями и населённые племенами, организованными в крупные конфедерации тюрко-монгольского происхождения.

Успех в поддержании крупномасштабных политических объединений среди племён Ближнего Востока сдерживался узостью культурных представлений о политической легитимности. Там, где племена состояли из эгалитарных линиджей, лидеры которых правили посредством консенсуса или посредничества и могли объединять соперничавшие группы только с помощью использования сегментарной оппозиции, создание широкой конфедерации на срок, превышавший одну человеческую жизнь, было чрезвычайно

⁵То есть Аравийского полуострова, Ирака и Сирии. — *Прим. пер.*

трудным делом. Например, бедуины, которые определяли себя по локализованным линиджам и обозначали верхние границы своих племён очень чётко, противились совместным действиям на надплеменном уровне⁶. Напротив, в тюрко-монгольских племенных системах, где иерархическая родственная организация воспринималась как легитимная в культурном отношении, локальные линиджи, кланы и племена становились строительными блоками военно-политических коалиций под руководством наследственных лидеров, чьи властные полномочия редко оспаривались снизу. Крупные племенные конфедерации, как, например, в Иране, не могли бы инкорпорировать в свой состав сотни тысяч человек без использования такой системы иерархических отношений, которая не делает скидку на разнообразность и многообразие объединяемых племён (Beck 1990).

Внутри крупных империй племенные народы сталкивались с возможностью утраты своей автономии и даже идентичности, если они напрямую управлялись чиновниками оседлых стран. Мятежные племена, которые не удавалось контролировать на их собственной территории, часто депортировались в отдалённые пограничные районы. Власти империи имели возможность мобилизовать ресурсы против пограничных племён даже на окраинах, и племенная вольница в приграничных областях, по-видимому, могла продолжаться только до тех пор, пока туда не посылался экспедиционный корпус. Однако, поскольку подобный контроль над окраинными землями и народами требовал огромных финансовых затрат, не меньшей популярностью пользовалась стратегия кооптирования племенных лидеров и использования их в качестве инструментов косвенного управления, с раздачей должностей и выплатой субсидий (при этом зачастую трудно определить, кто кем манипулировал в рамках подобных отношений). Благодаря таким компромиссам государственная политика ближневосточных империй оставляла большой простор для культурной и политической автономии, по сравнению с Европой или Китаем. В связи с тем, что преимущества *'асабийи* проявлялись более эффективно при её использовании в качестве средства защиты, а не нападения, автономия, пожалованная эгалитарным племенам, редко становилась угрозой имперской стабильности, за исключением периодов анархии, вызванных упадком центральной власти.

Племена чувствовали себя гораздо свободнее во взаимодействии с региональными государствами. Эти мелкие государства обычно контролировали лишь ограниченную территорию и были окружены соперничавшими с ними государствами со сходными проблемами. Не располагая необходимым количеством войск и финансовых ресурсов для установления эффективной власти в пограничных областях, они оставались постоянно уязвимыми для нападений со стороны как соседних племён, так и других государств. Действительно, как писал Ибн Халдун, племенные лидеры были главным поставщиком новых правящих династий для региональных

⁶ Все последние исследования по этнографии бедуинов подчёркивают трудность учреждения политической власти на этом уровне (Marx 1967; Cole 1975: 93—94; Lancaster 1981: 73—97).

государств данного типа, хотя он и отмечал при этом, что подобные династии редко удерживались у власти дольше 3—4 поколений, после чего становились жертвой нового племенного завоевания (Ibn Khaldun 1967: 105—108, 136—139). Племена также представляли собой косвенную угрозу стабильности мелких региональных государств, поскольку опустошали их набегами, а затем уходили от расплаты, спасаясь бегством за близлежащую границу. Именно уязвимость мелких государств, которым постоянно грозил риск разрушения и завоевания, и дала модели Ибн Халдуна её объяснительную силу, однако эта модель хорошо описывает только отношения между эгалитарными племенами и мелкими региональными государствами.

Крупные племенные конфедерации и могущественные династии племенного происхождения были созданы тюрко-монгольскими народами, пришедшими из Центральной Азии на расположенные по соседству с ней Иранское и Анатолийское нагорья. Эти тюрко-монгольские конфедерации имели иерархические политические структуры, нередко объединявшие сотни тысяч человек под властью могущественных ханов. Некоторые из этих ханов завоёвывали крупные империи и создавали долговечные государства. Характерно, что основатели подобных империй не обладали большим опытом управления оседлым населением, но с лёгкостью перенимали иерархические модели централизованной власти, предлагаемые им их местными советниками, поскольку эти модели предусматривали как средства контроля над представителями племён, так и инструмент изъятия дани с населения завоёванных стран. Хотя имперские традиции Ирана и Византии были, вероятно, чужды кочевникам Центральной Азии, принципы иерархического управления и наследственного права на власть были уже глубоко укоренены в их культуре и нашли своё отражение в организации племенных конфедераций.

Однако, каким бы успешным ни был данный тип организации для тюрко-монгольских народов, он был в культурном отношении чужд народам, обитавшим за пределами северных нагорий. В остальной части Ближнего Востока существовала совершенно иная модель племенной организации, которая складывалась из относительно эгалитарных сегментарных линиджей, возглавляемых слабыми вождями, действовавшими скорее в качестве посредников, чем самостоятельных лидеров. Эти племенные группы были относительно невелики; самые крупные из них насчитывали несколько десятков тысяч человек. Но даже такая максимальная по численности группа существовала больше теоретически и редко объединялась на сколько-нибудь продолжительное время. Её экспансионистский потенциал был ничтожен, так как племена внутри системы отказывались признавать власть каких-либо других лидеров, кроме своих собственных. Следовательно, успех большинства крупномасштабных объединений зависел от использования неплеменных моделей политической организации, чаще всего создаваемых религиозными деятелями. Лидеры подобных движений хорошо представляли себе своих городских соседей, поскольку имели с ними тесные экономические связи.

Государства, имевшие дело с племенами, организованными по эгалитарной арабской модели, обладали опытом, весьма отличным от того, который был у государств, сталкивавшихся с тюрко-монгольскими народами. Иранское и Анатолийское нагорья, представлявшие собой зоны взаимодействия с центральноазиатскими народами, порождали наиболее могущественные племена и империи. Северная Африка и Аравия, на территории которых господствовала эгалитарная арабская модель, исторически порождали слабые племена, сталкивавшиеся либо с мелкими региональными государствами, либо с окраинными частями империй. Эта географическая раздробленность и живучесть арабской модели на большей части Ближнего Востока были, вероятно, обусловлены высокими затратами на поддержание крупных племенных конфедераций. Конфедерация тюрко-монгольского типа потребляла огромное количество ресурсов и не могла сохраниться там, где ощущалась их нехватка. Лидеры подчинённых племён в таких конфедерациях рассчитывали на получение крупных вознаграждений в виде предметов роскоши, которые они затем распределяли среди соплеменников. Такая конфедерация могла обеспечить своих членов необходимыми благами только благодаря военной экспансии или посредничеству между племенами и крупными государствами. Этим условиям лучше всего соответствовали богатые внутренними водами нагорья Анатолии и Ирана. Арабская модель племени, напротив, могла сохраняться за счёт ограниченных природных ресурсов, имевшихся на окраинах пустынь или в зонах высокогорий. Здесь племенные лидеры обеспечивали своих соплеменников и клиентов лишь относительно небольшим вознаграждением, и даже их хвалёное гостеприимство в основном сводилось к угощению нескольких сотен человек по особым случаям. Арабская модель была менее затратной в плане управления, так как предъявляла мало требований к вождям, а также руководствовалась более узкими интересами. Это делало её менее способной к экспансии, но давало преимущества при сопротивлении внешнему давлению.

ЭГАЛИТАРНАЯ (АРАБСКАЯ) МОДЕЛЬ ПЛЕМЕНИ

Выживание племенных народов на Ближнем Востоке зависело как от экологических, так и от экономических факторов. Центры оседлой цивилизации были сосредоточены в долинах крупных рек и в оазисах, где процветало орошаемое земледелие. Их окружали пустынные и горные области, населённые ведущими натуральное хозяйство земледельцами и кочевниками, — области, которые оставались центрами сопротивления государственной власти. Это противостояние между центром и периферией (*блед эль-махзен* и *блед эс-сиба* в Северной Африке, *хокумат* и *ягистан* в Афганистане) присутствовало на всей территории региона. И всё-таки это чёткое разделение было географически дисперсным и никогда не приводило к возникновению линейной границы вроде Великой стены, отделявшей Китай от его северных племенных соседей. Эта дисперсность также нашла своё

отражение в «мозаичной» схеме распределения этнических групп на Ближнем Востоке (Coon 1951: 295—323). Несмотря на политические различия между центром и периферией, все племенные народы Ближнего Востока традиционно поддерживали тесные экономические и культурные связи со своими урбанизированными соседями.

Арабская модель племенной организации опиралась на гнездовые группы эгалитарных линиджей, которые считались происходящими от общего предка. Отношения между линиджами строились на основе сегментарной оппозиции, то есть линиджи поддерживали друг друга или враждовали друг с другом, исходя из степени родства. Эта идеальная модель (которой, тем не менее, зачастую пренебрегали) способствовала возникновению этнографического клише, часто повторяемого как антропологами, так и членами племён: «Я против моих братьев; мои братья и я против наших двоюродных братьев; мои братья, двоюродные братья и я против всего мира». Племя было крупнейшей единицей значимого родства и очерчивало внешнюю границу как повседневной идентификации, так и политического лидерства. Численность таких племён обычно колебалась в пределах нескольких десятков тысяч человек, но коллективные действия на столь высоком уровне были редкостью. Даже в очень больших племенах, таких как бедуины руала, насчитывающих до четверти миллиона человек, политическое сотрудничество ограничивается уровнем мелких линиджей. Сходным образом детальные пуштунские генеалогии, которые теоретически могут охватывать миллионы людей, никогда не выделяют единые группы такого размера. Хотя в теории сегментарные системы генеалогии могли выходить за рамки племенного уровня и могла быть создана какая-нибудь «хартия», возводившая все бедуинские или пуштунские племена к общему предку, такие расширительные толкования были в основном символическими, поскольку подобного рода отношения не имели никакого организационного потенциала.

Власть в эгалитарных племенных системах была слабо иерархизирована. Хотя некоторые линиджи демонстрировали большую, чем другие, способность завоёвывать политическое лидерство, каждый линидж считал себя равным другим. Однако было немало споров по вопросу о том, в какой степени этот общепринятый идеал структурного равенства когда-либо реализовывался в действительности (вне сферы мифологизированных народных представлений), поскольку периодически возникали правящие линиджи, подчинявшие себе соседей (Peters 1967; Asad 1972). Тем не менее даже там, где такие линиджи устанавливали контроль над своими соперниками, мощная эгалитаристская идеология, отождествлявшая подобную власть с угнетением (*зульм*), препятствовала усилению доминирования и в конце концов способствовала его краху. На фоне акефальной сегментарной организации африканского племени нуэр, шейх ближневосточного племени со своим линиджем покажется примером деспотичной и стабильной власти; но, если (как мы увидим далее) сравнить его с ханом центральноазиатского племени, чьё политическое положение было более устойчиво и чей род мог править столетиями, статусные различия линиджей в племенах арабского типа

предстанут незначительными и исключительно кратковременными. Рассуждения Ибн Халдуна о циклах власти племён, при которых власть переходила из рук в руки каждые несколько поколений, демонстрируют, что эти циклы были древней характерной особенностью данного региона.

В социальной структуре эгалитарных линиджей на Ближнем Востоке также подчёркивалась важность размежевания, что делало их надплеменные объединения чрезвычайно слабыми. Практика ортокузенных браков мужчины с дочерью брата его отца (ДБО) замыкала локальную группу родственников внутри себя за счёт утраты связи с другими племенными группами. Даже если брак заключался вне отцовской линии, он обычно не выходил за пределы племени. Эта модель брака порождала линиджи большой временной глубины, но с очень узким набором свойственнических или матрилинейных связей. Убеждённость в том, что такие браки поддерживают честь и чистоту линиджа (когда мужчина отказывается жениться на женщинах, не принадлежащих к отцовской линии) и препятствуют распылению собственности, также ограничивала возможность родственных групп заключать союзы посредством реципрокных брачных связей, которые были ключевым элементом племенных отношений в других частях мира (Lindholm 1986: 343—350).

Лидеры в таких эгалитарных племенных объединениях завоёвывали авторитет, если демонстрировали особый талант в улаживании проблем внутри племени или успешно организовывали набеги и войны. Этот статус, однажды достигнутый, не наследовался автоматически их сыновьями, поскольку всегда находились потенциальные соперники, готовые использовать любую возможность для смещения вождя или его наследника. Властные полномочия редко оставались в руках представителей одного линиджа на протяжении длительного времени. Сама по себе должность вождя делегировала небольшую власть, так как возможности управления без всеобщего согласия были жёстко ограничены.

Необходимость утверждать своё лидерство с помощью социального консенсуса очень наглядно просматривается в переговорах бедуинских племенных шейхов. Они, например, обязаны убеждать враждующие по поводу кровной мести стороны пойти на примирение, хотя их власти недостаточно для того, чтобы назначить наказание для убийц или заставить родственников жертвы принять компенсацию за убийство. Увещевание враждующих сторон (обычно на протяжении длительного времени) прийти к согласию способствует повышению престижа и притоку новых сторонников. В отношениях с государствами шейхи действуют от имени своих племён, так как они являются влиятельными людьми и должны улаживать споры от имени соплеменников; но их возможности вести переговоры ограничиваются осознанием того факта, что они не могут применить к последним никаких санкций (Lancaster 1981: 73—97). Сходным образом среди пуштунов Афганистана и Пакистана племенной совет, или *джирга*, играет столь важную роль, что вожди вынуждены искать на нём одобрения своих решений. Как пишет Акбар Ахмед: «Предубеждение против чинов, титулов и иерархического деления, которое они в себе заключают, сильно внутри

[пуштунского] племенного общества; оно ёмко выражено в альтернативе, предложенной *махшаром* (собранием) клановых старейшин племени махсуд британцам: „Расстреляйте всех нас из пушек или сделайте все наши восемнадцать тысяч навабами“» (Ahmed 1980: 141—142).

Без мощной группы сторонников, стоящих вне системы родственных связей и готовых целиком посвятить себя своим хозяевам, лидеры эгалитарных племён всегда зависели от благосклонности соплеменников; при этом их прежние заслуги, сколь бы велики они ни были, не принимались в расчёт. Таким образом, даже авторитетные лидеры редко оказывались способными реорганизовать собственные племена (не говоря уже о прочих) в политические единицы для расширения своего влияния. Например, войны, ведшиеся такими племенами в Аравии, традиционно ограничивались набегами на местные оазисы, совершавшимися на верблюдах, или вымогательством материальных благ (Sweet 1965). У берберов распределение соперничавших племён по местности в шахматном порядке означало, что лидеры, чьи земли располагались по соседству, были наименее склонны к сотрудничеству (Gellner 1969).

Этот акцент на поддержании внутреннего порядка с помощью консенсуса, без властного принуждения, оказал влияние на политические отношения с внешним миром. Племена не могли бросить вызов власти в соседних государствах до тех пор, пока последние не ослабевали окончательно. Отчасти эта неспособность была вызвана структурными проблемами, порождаемыми необходимостью собрать мощную армию для чего-то большего, чем кратковременные набеги. Однако верно также и то, что коренные племенные народы Ближнего Востока признавали структуру местной политической системы и действовали в её рамках. Они нуждались в доступе к городским рынкам, где могли продавать скот и покупать ремесленные товары, и отлучение от таких центров представляло для них большую угрозу, чем военное нападение. Даже тогда, когда племенные лидеры завоёвывали местное оседлое государство, это лишь приводило к появлению ещё одной династии племенного происхождения, а не к смене модели взаимоотношений. Следовательно, племена, организованные по арабской модели, не воспринимались как серьёзная угроза стабильности соседних государств. В отличие от Центральной Азии, племенные народы Ближнего Востока не образовывали собственного отдельного мира. Они были «пограничными» только в смысле политического контроля, поскольку между племенами и государствами осуществлялся постоянный торговый обмен и их объединяли общие культурные и религиозные традиции.

Преимущество небольших, строго обособленных племён состояло в их *'асабийи*, или групповой солидарности, хотя именно это преимущество затрудняло процесс их объединения в племенные союзы, так как на этом уровне групповое сознание отсутствовало, а племенные вожди отказывались подчиняться чьим-либо приказам. Подобно закону обратных квадратов для рассеивающегося света, сила племенной *'асабийи* быстро таяла, едва она выходила за пределы локального линиджа. Вожди могли стать сильными политическими

игроками только в том случае, если они преодолевали эти внутренние разногласия. Одним из путей решения этой дилеммы была организация племён на основе общего неплеменного принципа. Как отмечает Ибн Халдун, на Ближнем Востоке таким принципом традиционно был ислам:

«Бедуины могут учреждать у себя царскую власть, только придавая ей религиозную окраску, например, с помощью пророчества или святости, или какого-нибудь крупного религиозного события. Причиной тому является их дикость, ведь бедуины менее всех народов склонны подчиняться друг другу, так как они грубы, надменны, честолюбивы и хотят быть первыми. Их личные устремления редко совпадают. Но когда (в их среде) проникает религия в виде пророчества или святости, она оказывает на них некоторое сдерживающее воздействие. Свойства высокомерия и зависти покидают их. Тогда их легко объединить (в общественное целое) <...> Это можно видеть на примере арабской исламской династии⁷. Религия укрепила власть в их среде с помощью религиозного закона и его предписаний, которые, явно и неявно, способствуют тому, что есть благо для цивилизации» (Ibn Khaldun 1967: 120—121).

Подъём и распространение раннего ислама были тесно связаны с расселением племенных народов за пределами Аравийского полуострова в VII в. Много было написано о том, почему племена пустыни, слабые и раздробленные в римскую эпоху, неожиданно стали настолько сильными, что создали империю. Оттолкнувшись от племенной структуры, ислам породил новую модель организации и управления, которая, хотя и формировалась частично из представителей племён, уже не зависела от племенных принципов. Идея *уммы*, общины равноправных верующих, была созвучна традиционному отрицанию социальной иерархии, тогда как *джихад*, священная война против неверных, обеспечил идеологическую базу для нового типа сегментарной оппозиции, оправдывавшей агрессию против уязвимых оседлых государств (Lewis 1966). Религиозные ордена, такие как сенуситы в Ливии или ваххабиты в Аравии, использовали аналогичную структуру, но в меньшем масштабе, для объединения племён в целях установления политического взаимодействия с внешним миром, а у берберов спорные стратегические территории часто были населены святыми родами, стоявшими вне противоборства племён друг с другом (Evans-Pritchard 1949; Gellner 1969).

Исследователи воспринимают чрезвычайную важность ислама как нечто само собой разумеющееся, настолько глубоко он пронизал все аспекты ближневосточной жизни. Однако ислам, как и многое другое, был обусловлен спецификой местного развития, тогда как в других частях мира религии, включая ислам, не обязательно становились организующим принципом для племенных народов. Блеск ранних исламских завоеваний не должен заслонять от нас их экстраординарную природу. Как до, так и после

⁷ Арабского халифата. — Прим. пер.

этого времени ни арабские племена пустыни, ни горные племена Северной Африки и Иранского нагорья никогда больше не устанавливали гегемонию над регионом. Племена, осуществившие это, имели тюрко-монгольское происхождение, и их обращение в ислам скрывает под собой присущие им давние фундаментальные отличия от коренных племён Ближнего Востока.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ИЕРАРХИЧЕСКИЕ (ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ) ПЛЕМЕННЫЕ КОНФЕДЕРАЦИИ

Центральноазиатская модель племенной организации была гораздо более иерархичной, чем ближневосточная. Это отличие отражалось как в её социальной структуре, так и в политической организации. Термины родства маркировали различия между старшими и младшими братьями, младшими и старшими поколениями, знатными и рядовыми кланами. Эти единицы образовывали структуру гнездовых родственных групп — так называемый конический клан, в котором все патрилинейно родственные члены группы общего происхождения иерархически выстраивались и сегментировались по генеалогическому принципу (Sahlins 1968: 24—27). Однако в связи с тем, что эти патрилиниды и кланы придерживались экзогамии, у них были более тесные связи с соседними непатрилинейно родственными группами, чем у их эндогамных «кузенов» на Ближнем Востоке. Акцент на реципрокных брачных связях приводил к возникновению таких альянсов, которые нарушали внешне жёсткую схему патрилинейных отношений внутри конического клана. По этой причине полигамные браки правителей племён были обычным делом и способствовали включению неродственных племён в систему регулярных отношений.

Хотя отношения между местными кланами и линиджами во многом зависели от родственных ролей и брачных союзов, на более высоких уровнях племенной или надплеменной политической организации действовали скорее политические, чем генеалогические принципы. Племена завоевателей, захватив власть, могли начать с чистого листа, уничтожив своих соперников или оттеснив их на окраинные земли, а племенные вожди часто набирали себе личных сподвижников, которые разрывали прежние родовые связи и клялись в исключительной верности новому патрону.

Конфедерации, образованные с помощью альянса или завоевания, всегда включали в себя неродственные племена, и лидеры таких конфедераций обладали властью, достаточной для того, чтобы повелевать своими подданными. Однако язык родства, даже если им явно манипулировали или искажали в политических целях, оставался наиболее ходовым средством легитимации правящих династий в крупных степных империях. Среди центральноазиатских племён существовала устойчивая культурная традиция избирать лидеров из представителей одного правящего рода, благодаря которой возникли династии беспрецедентной продолжительности. Прямые потомки основателя державы сюнну, Маодуня, с большим или меньшим

успехом правили монгольской степью на протяжении 600 лет, прямые потомки Чингис-хана — на протяжении 700 лет, а на Ближнем Востоке единая и непрерывная Османская династия правила Турцией более 600 лет.

Для того чтобы объяснить могущество центральноазиатских племенных лидеров и стабильность их политических объединений, мы должны выяснить истоки их власти. Безусловно, иерархическая идеология тюрко-монгольской социальной структуры делала культурное усвоение статусных различий более естественным, поскольку не было ничего постыдного в принятии подчинённого положения в составе большей по размеру группы; но одна лишь родственная организация сама по себе не может объяснить причину возникновения крупных империй или их успех в деле подчинения соседей (Lindholm 1986). Племена на Ближнем Востоке могли образовывать политические или военные союзы, насчитывавшие максимум несколько десятков тысяч человек (и то лишь для установления эффективной власти на собственной территории), а центральноазиатские конфедерации были способны объединять сотни тысяч человек, живших на огромной территории, и направлять их в дальние военные походы. Кроме того, эти конфедерации были политически централизованы и обладали большей силой и стабильностью, чем любые другие племенные объединения в мире. Их лидеры были не просто вождями, ибо с самого начала обладали тем, чего редко достигали бедуинские шейхи и что Ибн Халдун называл «царской властью»: «Это больше чем лидерство. Лидерство означает первенство среди равных, и лидеру подчиняются, но сам он не имеет сил для того, чтобы заставить других принимать свои решения. Царская власть означает превосходство и возможность править с помощью силы» (Ibn Khaldun 1967: 108).

Возникновение царской власти в среде центральноазиатских лидеров не было, однако, результатом внутренней эволюции племенного общества. Огромное большинство конфедераций представляли собой кочевые скотоводческие сообщества с низкой плотностью населения и относительно недифференцированной экономикой. Хотя иерархическая клановая структура узаконивала статусные различия между племенами и кланами, такие племенные общества не могли поддерживать существование крупномасштабных политических структур за счёт собственных ресурсов; у них не было настоятельной необходимости в организации широкого надплеменного сотрудничества для управления кочевым скотоводческим хозяйством или решения вопросов внутренней политики за пределами возможностей сегментарной оппозиции. Если возникало крупномасштабное объединение, оно было призвано решать проблемы взаимодействия с соседними оседлыми государствами.

Уильям Айронз сформулировал это следующим образом: «В кочевых скотоводческих обществах иерархические политические институты порождаются только внешними контактами с государственными обществами и никогда не развиваются как результат исключительно внутренних процессов в таких обществах» (Irons 1979: 362). Мы можем пойти ещё дальше, включив в эту схему некочевые племена, и добавить, что размер племён

и степень сложности их политической организации, по-видимому, прямо коррелировали со степенью могущества оседлых государств, которым они противостояли, и способностью сохранять независимость от последних. В общих чертах мы можем наблюдать дугу возрастающей централизации, протянувшуюся от Восточной Африки до степей Монголии, с четырьмя постепенно усложняющимися типами племенной организации: (1) акефальные сегментарные линиджи в Африке, южнее Сахары, где племенные общества до колониальной эпохи редко сталкивались с государственными обществами; (2) линиджи с постоянными лидерами, но без надплеменной организации, в Северной Африке и Аравии, где племенные общества соседствовали с региональными государствами и устанавливали с ними симбиотические отношения; (3) надплеменные конфедерации с могущественными лидерами, являвшимися частью региональной политической структуры внутри крупных империй в Иране и Анатолии, где племена выступали либо завоевателями государств, либо их подданными; (4) централизованные племенные государства, властвовавшие на огромных степных пространствах к северу от Китая или Ирана и существовавшие за счёт хищнического ограбления соседних оседлых цивилизаций.

В отличие от Ближнего Востока, где племенные общества, рассыпанные подобно мозаике по территории региона, имели тесные экономические и культурные связи с соседними оседлыми государствами, племенные общества Центральной Азии были более изолированы, занимая обособленные территории, на которых они полностью доминировали и которые были отделены линейными границами от соседей, чьи общественные и культурные традиции были чужды кочевникам. Эти оседлые соседи, гораздо более многочисленные и централизованные, чем племенные группы, часто отказывались торговать с последними, пока те не угрожали им силой. Для того чтобы иметь дело с этими могущественными оседлыми государствами, племенным обществам приходилось создавать собственные государственные структуры, мощные настолько, чтобы заставить соседей относиться к ним как к равным.

Структурным решением этой проблемы было создание имперских конфедераций, уникальность которых заключалась в том, что они сохраняли племенную социальную организацию на местном уровне, надстраивая централизованный административный аппарат для решения военных и международных вопросов. Со стороны имперская конфедерация выглядела как государство, с централизованным управлением и монополией на использование силы. Внутри, однако, она сохраняла племенную организацию на местах и допускала значительную долю автономии. Хотя имперская система управления часто возникала в результате крупных военных завоеваний харизматических племенных лидеров, своим стабильным существованием она была обязана успешному выкачиванию ресурсов из оседлых соседей. Мелкие племена в одиночку не могли рассчитывать пробить брешь в обороне крупных империй или заставить их открыть пограничные рынки, но, объединившись в единое государство, они получали возможность взаимодействовать на равных даже с наиболее могущественными национальными

династиями Китая. Политические и финансовые истоки имперской конфедерации коренились в сфере международных отношений, а не в эволюции социальной структуры в самой степи (Barfield 1981).

Первыми создали имперскую конфедерацию кочевники сюнну. Это произошло в конце III в. до н.э., когда они завоевали все остальные племена Монголии и объединили их в империю. Возникшая одновременно с объединением Китая под властью династии Хань, империя сюнну имела население в один миллион человек и управлялась династией, правившей непрерывно на протяжении трёх столетий. Её модель организации (но не специфическая терминология) позднее была перенята тюркскими империями середины VI — середины IX в., чтобы взаимодействовать с династией Тан, и послеюаньскими монгольскими ханствами периода Мин⁸.

При ближайшем рассмотрении детали сюннуской политической организации позволяют понять, каким образом множество племенных групп могли быть объединены в рамках единой структуры. Согласно китайским источникам, административная иерархия сюнну имела три уровня: (1) имперское правительство и придворная бюрократия, (2) имперские наместники, управлявшие племенами по всей территории империи, и (3) местные племенные вожди, осуществлявшие руководство на местах. На вершине находился верховный правитель, называемый *шаньюем*.

«Шаньюю подчиняются левый и правый мудрые князья, левый и правый лули-князья, левый и правый великие военачальники, левый и правый старшие воеводы, левый и правый управляющие хозяйством и левый и правый сановники гудухоу... Левый и правый мудрые князья и лули-князья наиболее могущественны, а сановники гудухоу помогают шаньюю управлять народом. Каждый из 24 начальников, в свою очередь, назначает собственных тысячников, сотников и десятников, а также подчинённых князей, главных помощников, воевод, управляющих хозяйством, цзюйцюев и так далее» (Ssu-ma Ch'ien, chap. 110, 9b—10b; Watson 1961: 163—164).

У сюнну существовали две системы званий, каждая из которых имела отдельную функцию. Система именных недесятичных званий использовалась для политического руководства племенами и территориями, включавшими в себя группы самого разного размера. Десятичная же система использовалась во время войн, когда под единое военное командование собиралось большое количество войск из различных частей степной империи. 24 имперских начальника, каждый из которых носил титул «командующего десятью тысячами всадников» («темника конницы»), действовали как наместники в важнейших областях империи и обычно были близкими родственниками шаньюя или представителями сюннуской аристократии.

⁸ На самом деле модель взаимодействия между Китаем и северными племенами сложнее, чем следует из этих суммарных тезисов. Империя Чингис-хана не была имперской конфедерацией, и большинство иноземных династий в Китае были маньчжурского, а не монгольского происхождения (Barfield 1989).

Их должности не были наследственными, так как каждый шаньюй делал выбор по своему усмотрению, и один человек на протяжении жизни мог занимать несколько должностей. Чиновники, занимавшие такие должности, были обязаны своей властью и могуществом силе сюннуского государства. На низшем уровне находилась обширная группа местных племенных начальников (подчинённые князья, главные помощники, воеводы, управляющие хозяйством и т.д.), которые официально подчинялись 24 имперским наместникам. Однако на практике они опирались на поддержку своих племенных групп, каждая из которых обладала отдельной территорией.

Шаньюй и его приближённые были местными вождями коренных племён сюнну, состоявших, в сущности, из обычных кочевников, которые имели двойные связи с шаньюем и обеспечивали ему неизменную поддержку. Местные племенные вожди, покорившиеся сюнну или заключившие с ними союз, входили в имперскую административную систему под контролем одного из 24 темников конницы, действовавших как представители шаньюя. В структурном отношении самым слабым местом этой системы была связь между вождями присоединённых племён и имперскими начальниками. Хотя вождь присоединённого племени и занимал определённое положение в иерархии сюннуской империи, его власть зиждилась на поддержке соплеменников. Такие вожди в значительной степени сохраняли самостоятельность на местном уровне. Именно на этом уровне внутри империи обычно возникали конфликты по поводу того, какая доля независимости должна принадлежать вождям присоединённых племён. Возможности шаньюя осуществлять абсолютную власть, неограниченные в теории, были ограничены на практике. Фактически ему было выгоднее применять силу не для поддержания единства, а для обеспечения местных племенных вождей теми материальными благами, которые они не могли добыть в одиночку.

Стабильность и долголетие имперской конфедерации обуславливались её способностью добывать предметы роскоши, организовывать пограничную торговлю и налаживать оборону от соседей в интересах входивших в неё племён. Столь сложная система политической иерархии могла поддерживаться лишь при условии доступа к крупному источнику внешних доходов. Шаньюй сохранял свою власть, действуя как единственный посредник между китайским правительством и племенами империи, выступая одновременно в качестве верховного военачальника и дипломата. Внешняя политика центральноазиатских племён основывалась на принципе вымогательства.

Сюнну сознательно проводили хищническую политику в отношении Китая и поддерживали славу о своей жестокости для того, чтобы занять максимально выгодные позиции в переговорах с ханьским правительством. Набеги напрямую обеспечивали добычей племена, участвовавшие в них, и кочевникам всегда удавалось ускользнуть в степь прежде, чем китайская армия наносила им ответный удар. Вслед за набегами всегда отправлялись послы, убеждавшие китайский двор в том, что враждебные действия прекратятся, если начать выплачивать субсидии и открыть на выгодных условиях пограничную торговлю. С течением времени стоимость этих договоров

неуклонно возрастала; позднее эта практика, получившая лукавое название «даннической системы»⁹, обеспечивала кочевникам — в обмен на символические дары и соблюдение необходимых формальностей — получение огромных выплат. Подсчитано, что сумма таких выплат в эпоху династии Восточная Хань составляла примерно одну треть ежегодных правительственных расходов на жалованье чиновникам, или около 130 миллионов долларов (Yu 1967: 61—63). Таким же образом к началу IX в. династия Тан ежегодно поставляла полмиллиона кусков шёлка в Уйгурскую империю для поддержания добрых отношений с кочевниками (Minorski 1948; Mackerras 1973).

Эти выплаты позволяли кочевому правителю контролировать гигантскую систему перераспределения предметов роскоши. Местные племенные вожди не имели права самостоятельно устанавливать отношения с Китаем, и имперское правительство добивалось поддержки с их стороны с помощью богатых даров. Лояльность рядовых кочевников достигалась за счёт предоставления им возможности торговать на границе. В принципе Китай выступал против пограничных рынков, но пограничная торговля была основным требованием всех кочевых империй при заключении договора. Как только Китай пытался задушить кочевое государство, запрещая торговлю или прекращая предоставление помощи, имперская конфедерация восстанавливала свою первоначальную военную функцию и сплачивалась воедино, организуя оборону от вторжений и совершая грабительские набеги, чтобы компенсировать утраченные договорные выплаты. Только полный крах китайской экономики наносил смертельный удар по имперскому порядку в степи, так как без внешнего источника ресурсов государственная структура в ней существовать не могла. Когда Китай переживал период экономического краха и погружался в анархию, племена, составлявшие империю, начинали действовать самостоятельно (Barfield 1989: 10—11).

Отношения между центральноазиатскими кочевниками и их оседлыми соседями не осуществлялись, следовательно, напрямую. Кочевники никогда не пытались сами управлять областями с оседлым населением, если имели возможность получить то, что им нужно, путём вымогательства у уже существующей власти. Это делало их поразительно невежественными в отношении таких фундаментальных понятий, как регулярное налогообложение, система государственного управления и организация сельскохозяйственного производства (Smith 1970). Признавая ценность международной торговли, они имели весьма смутное представление о том, каким образом производятся получаемые ими товары, подобно тому как современные городские дети считают, что молоко получают из пакетов, а не от коров.

Выдвижение на первый план имперского правительства, приносящего выгоды, позволяло преодолевать традиционную склонность племён к раздробленности. Хотя, как отмечал Ибн Халдун, на Ближнем Востоке только религиозные лидеры были способны объединить большое количество племён, в Центральной Азии религия не играла подобной роли. Первоначально

⁹ При которой якобы не Китай выплачивал дань кочевникам, а кочевники Китаю. — *Прим. пер.*

все здешние племена практиковали различные формы шаманизма. Хотя шаманы иногда приобретали личное влияние, они не становились правителями государств; система верований сама по себе обладала малым организационным потенциалом. Всякий раз, сталкиваясь с более совершенной религиозной системой, центральноазиатские кочевники быстро перенимали её, в разные эпохи обращаясь в буддизм (монголы, ойраты), манихейство (уйгуры), несторианство (керейты, найманы), иудаизм (хазары) и ислам (западные тюрки, монголы в Иране и на юге Руси). В отличие от верующих в большинстве оседлых обществ, они довольно терпимо относились к религиозному плюрализму внутри конфедераций и даже внутри отдельных семей.

Эта гибкость имела для истории Ближнего Востока двоякие последствия. Во-первых, хотя большинство племенных народов, пришедших на Иранское и Анатолийское нагорья после 1000 г., приняли ислам ещё до своего прибытия туда, они не нуждались в религиозной философии или в религиозном лидере для создания племенных конфедераций. Во-вторых, их религиозная идентичность занимала подчинённое положение по отношению к их культурной идентичности. Коран, например, мог рекомендовать в качестве идеального патрилинейный брак между двоюродными братьями и сёстрами, но даже после тысячелетнего пребывания в лоне ислама тюрко-монгольские народы продолжали считать такой брак кровосмесительным. Тюрко-монгольские правители выступали как покровители религиозных деятелей и быстро принимали исламскую идеологию для укрепления своих династий, но почти никто из них не пришёл к власти, будучи вождём религиозного движения.

ПРИХОД НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Вторжения центральноазиатских племенных народов на Ближний Восток имеют долгую доисламскую историю, восходящую по меньшей мере к бронзовому веку, когда в середине II тысячелетия до н.э. племена скотоводов-индоевропейцев наводнили Иран и Анатолию. Позднее центральноазиатские корни имели наиболее значительные династии западноиранского мира — Ахемениды, Парфяне и Сасаниды, и восточноиранского мира — Кушаны и Саки¹⁰. Следовательно, хотя экспансия тюрко-монгольских народов в исламский период знаменовала собой появление в регионе новой культурно-лингвистической группы, она была продолжением очень давней традиции.

Постоянный приток племенных народов из Центральной Азии оказывал влияние как на структуру государственности, так и на взаимоотношения государств и племён. Тюрко-монгольские кочевники несли с собой модель имперской конфедерации, политику вымогательства, которую они успешно применяли в Центральной Азии, и военную силу для её реализации. Из этого багажа легче всего трансформировалась в государственную

¹⁰ См. выше прим. 2.

структуру идея имперской конфедерации. Характерное для конфедерации сочетание имперского контроля над относительно автономными племенами или провинциями напоминало ранние иранские государства, а её иерархическая структура облегчала идеологическое превращение племенного хана в шаха или султана. Менее адаптируемой и более разрушительной была традиция взимания дани путём набегов или вымогательства. Этот метод хорошо работал в Центральной Азии, где племенные народы были географически обособлены от соседних оседлых цивилизаций и никогда не брали на себя функции по управлению ими. На Ближнем Востоке племенные народы, земледельцы и жители городов находились в более тесной симбиотической связи друг с другом. Политика вымогательства, поначалу проводимая тюрко-монгольскими племенами, глубоко разрушала местную экономическую жизнь. Поэтому племенные народы воспринимались как угроза не только стабильности слабых династий, но и самих основ государственности в регионе.

После 1000 г. все крупные ближневосточные империи имели центральноазиатские корни: Газневиды, Сельджукиды, Хорезмшахи, *мамлюки*, Монголы, Тимуриды, Ак-Коюнлу, Сефевиды и Османы¹¹. Однако более ранние из этих династий, основанные между 1000 и 1500 гг., были порождением тюрко-монгольских элит, недавно пришедших из Центральной Азии и обладавших малым опытом управления и чуждыми для региона культурными ценностями. Династии же, возникшие после 1500 г., хотя и сохраняли тюрко-монгольские элиты, уже глубоко укоренились в регионе и приносили с собой больше порядка и стабильности, чем их предшественники. За исключением монголов, племена, сформировавшие династии до 1500 г., приходили на Ближний Восток, потерпев перед этим поражение в борьбе за контроль над степью. Пожалуй, самым ярким примером превратности судьбы — среди тех, кто появлялся на Ближнем Востоке — были *мамлюки*, тюркские воины-рабы, которые сначала свергли своих хозяев в Египте, а затем стали правителями крупной империи (Crone 1980).

Между этими племенными элитами и подчинёнными им народами начинался конфликт относительно основ государственного управления, практики династического наследования и военной организации, конфликт, который часто приводил к хаосу до тех пор, пока вновь прибывшие тюрко-монгольские правители не приспособивались к своему экономическому и политическому окружению. Однако, как только какая-нибудь династия начинала овладевать искусством управления оседлым населением и усваивать ближневосточные культурные ценности, как её тут же сменяла новая группа пришельцев из Центральной Азии. Таким образом, лишь после 1500 г., когда прекратились племенные вторжения-переселения из Центральной Азии, тюрко-монгольские племена на Ближнем Востоке сумели создать

¹¹ Султанаты Айюбидов (1171—1252) и Гуридов (1148—1215), хотя и управлялись династиями курдского и таджикского происхождения, в политическом отношении испытывали сильное влияние тюркских элит. — *Прим. пер.*

династии, оказавшиеся на редкость могущественными и долговечными. Самые яркие их примеры — Сефевиды в Иране и Османы в Турции. И те и другие имели тюрко-монгольские корни, но были знакомы с практикой управления оседлым населением и преимуществами централизованной власти. Хотя в ранних династиях религиозная идеология играла подчинённую роль по отношению к племенной идеологии, позднее ситуация изменилась. Сефевиды воспользовались шиитской идеологией, чтобы избавиться от тюрко-монгольского акцента на племенном родстве, тогда как Османы стали защитниками суннитской ортодоксии, возродив халифат.

Описанная выше модель отношений наиболее полно была реализована только в Иране и Турции, на пограничных с Центральной Азией землях. Несмотря на политические и военные успехи, ни тюрко-монгольские династии, ни их племенные конфедерации не укоренились в других частях Ближнего Востока. Даже в Ираке и Сирии, неоднократно покоряемых тюрко-монгольскими армиями, тюркским племенам не удалось закрепиться надолго. Тюркско-мамлюкские правители Египта поддерживали свою власть только благодаря непрерывному импорту рабов-рекрутов из внутренних областей Центральной Азии. Поэтому исследователи, изучающие историю Аравии, Египта или Северной Африки, главным образом из-за недостатка примеров редко представляют себе тот уровень сложности, которого могла достичь племенная организация, и её возможности для создания могущественных, долговечных династий.

ПЛЕМЕНА — СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРИЙ

Несмотря на то что тюрко-монгольские племенные лидеры имели большой опыт в деле создания племенных конфедераций, им недоставало самых элементарных знаний о механизмах управления оседлым населением — тех знаний, которые были естественны для коренных племён региона. Выходцам из Центральной Азии приходилось овладевать этим совершенно новым для них мастерством и во многом опираться на помощь советников из числа местных жителей, обучавших их искусству управления. Несколько туповатый тюркский шах и его хитроумный персидский визирь стали непременными персонажами поэзии Саади (писавшего в период монгольского владычества), демонстрирующими, насколько сложно было в культурном отношении приспособить мышление, характерное для племенных имперских конфедераций, к условиям власти в оседлых обществах. Устойчивые имперские конфедерации в Центральной Азии были более заинтересованы в торговле и вымогательстве, чем в завоевании. Кочевники же, которые покидали степь, должны были утвердиться в новом мире с совершенно иными ценностями. Становясь правителями новых династий, они обнаруживали, что их собственные интересы и интересы их племенных подданных не совпадают. Превращение племенного хана, раздающего щедрые дары,

в персидского шаха или турецкого султана, взимающего высокие налоги, могло состояться только в том случае, если племенная конфедерация становилась частью государственной административной системы.

Одна из главных трудностей заключалась в том, что для достижения и поддержания власти в центральноазиатской степи, с одной стороны, и в Иране или Анатолии, с другой, требовались разные методы. В одном из своих рассказов (предположительно, апокрифическом) о характере шахов Саади сатирически изображает переживания визиря, который возражает против намерения правителя добыть себе вечную славу, раздарив всю казну своим подданным:

«Если раздашь ты богатство многим,
Каждый получит лишь по зёрнышку риса.
Не лучше ли взять от каждого по крупице серебра,
И каждый день наполнять казну?» (Sa'di 1964: 95; ср.: Саади 1957: 74).

Впрочем, это был спор не на пустом месте: центральноазиатский племенной лидер был обязан своей властью способности щедро раздаривать богатства, тогда как власть оседлого правителя зиждилась на способности накапливать их. Верным признаком культурной адаптации к ценностям городского оседлого общества было трезвое признание ценности денег, совершенно нехарактерное для традиционных степных правителей. В биографии монгольского хана Угэдэя, написанной Рашид ад-Дином, целый раздел посвящён внешне иррациональным приступам щедрости этого хана. Например, услышав однажды о том, что столичное казнохранилище до отказа наполнено золотыми и серебряными слитками (*балыш*), Угэдэй приказал раздать их: «„Какая нам польза, — сказал он, — копить всё это? Ведь надо постоянно охранять. Пусть объявят, чтобы всякий, кто хочет взять *балыши*, пришёл и получил их“. Жители города, знать и простой народ, богачи и бедняки, направились в казнохранилище, и каждый получил обильную долю» (Rashid al-Din 1971: 82; ср.: Рашид ад-Дин 1960: 53).

Одна из причин такого отношения заключалась в том, что тюрко-монгольские лидеры были более искушены в насильственном отнятии материальных благ, чем в их производстве. Хорошо знакомые с тонкостями торговли и с выгодами, которые приносили набеги, они оставались поразительно неосведомлёнными о том, каким образом эти материальные богатства появляются на свет. Это неудачное сочетание военной мощи и административного невежества тюрко-монгольских династий наиболее ярко проявилось в их изначальном пренебрежении к сельскому хозяйству и городской жизни — результат однобокого развития в Центральной Азии, где вымогательство и грабёж были ключом к политическому успеху. Например, когда Сельджукиды впервые вторглись в Хорасан и в 1038 г. захватили Нишапур, их предводитель Тогрул с трудом удержал своих братьев от разграбления города. Ему пришлось обратить их внимание на то, что, завоевав

эту страну и став её новыми правителями, они теперь фактически уничтожают собственное имущество (Bosworth 1968: 20—21).

Такие примеры можно найти в истории почти всех племён, прибывавших из Центральной Азии. Монголы представляли собой наихудший случай (Fletcher 1986). Лишь спустя сорок лет после завоевания Ирана, в период правления Газан-хана (1295—1304), они начали предпринимать первые серьёзные попытки наладить регулярное управление. В своём обращении к соплеменникам Газан подчёркивает абсолютное непонимание ими даже самых простых принципов управления оседлым государством:

«Я не держу сторону таузикских *райятов* [персидских крестьян]. Если польза в том, чтобы всех их ограбить, то для этого нет никого сильнее меня. Давайте грабить их вместе. Но если вы рассчитываете на получение зерна и столового довольствия в будущем, то я должен быть с вами суров. Вам нужно поразмыслить. Если вы обижаете *райятов*, забираете их волов и семена и травите их хлеб, что вы будете делать в будущем?.. Нужно отличать покорных *райятов* от *райятов*, враждебных нам. Как же мы можем не защитить покорных, заставляя их испытывать от нас муки и страдания?» (Petrushevsky 1968: 494; ср.: Петрушевский 1960: 56—57).

Вопрос об учреждении надлежащей системы управления был лишь первым эпизодом в цепи многочисленных разногласий между тюрко-монгольскими элитами и рядовыми представителями племён на Ближнем Востоке. В племенной системе предполагалось, что военная добыча, включая завоеванные земли, должна распределяться между всеми участниками военных действий. Но ни одна династия не могла позволить себе подобное дробление и при этом рассчитывать выжить. В связи с этим начиналось сложное маневрирование, при котором предоставление льгот племенным группам осуществлялось одновременно с созданием отдельной регулярной армии и учреждением органов власти за пределами племенной системы. Эта тактика включала в себя использование различных видов военных ленов, жалюемых сторонникам династии, и перемещение племенных войск на границу империи, где их энергию можно было направить на борьбу с внешним врагом. Была, конечно, опасность, что некоторые из этих групп могут повернуть оружие против своих бывших сюзеренов и свергнуть их (что они периодически и делали).

Даже когда эти трансформации племенных конфедераций в государственные административные системы проходили успешно, тюрко-монгольские правители продолжали сохранять структуру имперской конфедерации как модель для управления крупными империями. Подобно тому как племена сохраняли свою идентичность и местных вождей, подчинявшихся наместникам в рамках имперской конфедерации в степи, местные элиты внутри персидских и турецких империй сохраняли значительную долю власти и культурной идентичности до тех пор, пока они признавали

верховную власть шаха или султана. Возвышение Османов продемонстрировало превращение малой племенной группы в могучую империю. Сначала она объединилась с другими малыми племенными группами в конфедерацию, а затем разгромила те самые племенные группы, которые помогли ей возвыситься, создав систему управления оседлым населением со структурными характеристиками имперской конфедерации.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ КОНФЕДЕРАЦИИ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Племена, основывавшие династии, были наиболее заметным следствием переселения тюрко-монгольских народов из Центральной Азии, однако большинство племён вскоре оказывалось в оппозиции к государственной власти. Они пытались сохранить свою независимость, либо занимая пограничные зоны между государствами, в которых последние противоборствовали друг с другом, либо создавая конфедерации в противовес государственным структурам, окружавшим их.

Стратегия пограничных племён была связана с наибольшими трудностями, поскольку зависела от наличия ничейной в политическом отношении территории между двумя государствами, неподконтрольной ни одному из них. Двумя важнейшими тюрко-монгольскими пограничными зонами были: 1) граница Хорасана и Средней Азии и 2) граница Ирана и Анатолии. Обе зоны были населены туркменами, появившимися на Ближнем Востоке вместе с Сельджукидами в XI в. В связи с тем, что эти границы имели скорее политический, чем природный характер, они могли меняться со временем — по мере того как менялись силы приграничных держав. Расширяющаяся империя могла поглотить пограничную территорию, завоевав соперничавшую с ней державу, или обе державы могли усилиться и превратить неясно обозначенную границу в чётко обозначенный укреплённый рубеж. Напротив, коренные ближневосточные племена, населявшие маргинальные в природном отношении зоны гор и пустынь, были менее подвержены политическим переменам, поскольку государствам редко удавалось утвердить свою власть в местах их обитания даже во времена своего могущества.

Организационная структура туркменских племенных групп в обеих пограничных зонах была децентрализованной. Племенные конфедерации и династические государства обычно назывались по имени основавшего их человека или клана (Сельджукиды, Ак-Коюнлу, Османы, Узбеки). Термин же «туркмены» был, по-видимому, остаточной категорией для обозначения того типа тюрко-монгольских пограничных племён, которые оставались неподконтрольными государственной власти. Он был одновременно и политической категорией, и этническим именем. Туркмены, занимавшие пограничные территории между северо-восточным Ираном и Средней

Азией, пользовались слабостью местной политической власти, для того чтобы совершать набеги на соседние области с оседлым населением, но не создавали государств или конфедераций. В XIX в. они позорно прославились своими набегами за рабами, продавая пленных иранцев на рынках Средней Азии. Экспансия царской России в Среднюю Азию сначала положила конец работорговле, а затем, с взятием Мерва в 1884 г., привела к завоеванию туркмен (Irons 1974: 635—658; Napier 1876).

Более показателен пример анатолийско-иранской границы, однако, поскольку она уже не является важной племенной границей в наши дни, он почти забыт. Со времён Сельджукидов эта граница никогда полностью не контролировалась ни одной из держав и сохраняла самостоятельность даже в период нашествия монгольских Ильханов и Тамерлана. Она проходила на стыке монгольско-тимуридского Ирана, мамлюкского Египта и сельджукско-османской Анатолии. Туркменские племена, номинально находившиеся под властью Сельджукидов, совершали набеги на окрестные области, особенно не задумываясь о политике своих сюзеренов и объединив идеологию исламских *гази*, или борцов за веру, с традиционной центральноазиатской склонностью к набегам и грабежу. Многие могущественные династии своими корнями уходили в эту пограничную область, но создавали государства за её пределами. Например, Османская династия выросла из разбойничьей группы туркмен, продвинувшейся на запад и основавшей империю, и многие племена, участвовавшие в создании соперничавшей с Османами иранской династии Сефевидов, также происходили из туркменской племенной среды. По иронии судьбы, возвышение этих двух соперничавших империй зажало в тиски племена по обеим сторонам границы, и после 1600 г. лишь немногие из них сумели избежать включения в состав той или иной империи (Inalcik 1976; Lindner 1983).

Племена внутри империй сталкивались с совершенно другими проблемами, чем пограничные племена. Они уже не могли спастись бегством в трудных ситуациях и рассчитывать на помощь соседних государств. Чтобы добиться успеха, им приходилось использовать более упорядоченную структуру племенной конфедерации с постоянными правителями для сохранения своей автономии. В Иране такие конфедерации в ослабленной форме дожили до наших дней: бахтияры, шахсевены, кашкайцы, хамсе и другие. В Турции они почти полностью исчезли — отчасти из-за того, что на Анатолийском нагорье меньше труднодоступных уголков, где можно укрыться от государственной власти. Двумя удивительными особенностями этих конфедераций были их подвижность и способность политически трансформироваться, когда нужно противостоять государству. Очень немногие из этих конфедераций утверждают, что они постоянно проживали на одной и той же территории; напротив, в их генеалогических преданиях почти всегда упоминаются конкретные военные или политические события, заставившие их прийти в те области, которые они занимают в настоящий момент (Tapper 1979; Beck 1986; Garthwaite 1983; Barth 1961).

Модель имперской конфедерации была использована племенными династиями для создания империй, но те же самые организационные принципы использовались и для сохранения автономии племён внутри крупных государств Иранского нагорья и Анатолии. Центральноеазиатская имперская конфедерация была централизованной и государствовподобной структурой, с верховным правителем, в важнейшие функции которого входили внешние сношения, война, торговля и поддержание внутреннего порядка. Вместе с тем племена, входившие в состав конфедерации, сохраняли внутреннее самоуправление и самостоятельно решали вопросы местного значения. Племена различного происхождения и даже разной языковой принадлежности становились частью единой конфедерации, которая защищала их от нападений извне и вела от их имени переговоры с властями соседних государств. Организация племенных конфедераций на Ближнем Востоке строилась по схожей модели, только в меньших масштабах: могущественные ханы регулировали отношения между своими племенами и государствами.

Преимственность власти в таких конфедерациях была на редкость устойчивой. Несмотря на то, что их история изобиловала кровавыми распрями внутри правящих кланов, эти кланы сохраняли свою власть в течение столетий. В данном случае в тюрко-монгольской политической культуре обнаруживается тенденция к монополизации верховной власти потомками основателей конфедерации. В этой традиции возникновение совершенно новой династии было возможно только с созданием новой конфедерации. Например, в конфедерациях современного Ирана (кашкайцы, бахтияры, хамсе, шахсевены) родословные их правителей могут быть возведены к основателям соответствующей конфедерации. Однако большинство из этих конфедераций не старше сефевидского времени (а некоторые — даже XIX в.); ранее же их территории были заняты множеством других конфедераций. Внутренние мятежи против ханов или разрушительные удары извне приводили к появлению новых конфедераций с новыми названиями, а не к реорганизации прежних.

Как ни странно, взаимоотношения между племенами и государствами были наиболее напряжёнными именно в те периоды, когда государствами управляли династии племенного происхождения. Если племена провозглашали кровное родство с правящей династией, они представляли угрозу её стабильности, начиная играть активную роль в политике. Например, племена и кланы играли ключевую роль в схватках за престол и в междоусобных войнах, в ходе которых члены правящей фамилии боролись за власть — эта практика степной традиции получила в литературе название «кровавые выборы» (*bloody tanistry*)¹² (Fletcher 1986). В периодических смутах внутри

¹² Термин, по-видимому, введён Дж. Флетчером. «Танистри» — ирландский обычай, согласно которому король или вождь избирался на общем собрании членов клана или представителей знати. Приставка «кровавые» означает, что наследником становился тот, кто убивал своих соперников или побеждал их на войне. «Кровавые выборы» были широко распространены у тюрко-монгольских кочевников. — *Прим. пер.*

правлящей верхушки Ак-Коюнлу (1350—1500) всегда участвовали конкурирующие лидеры, искавшие поддержки у племён империи (Woods 1976). Вместе с тем племена также были дополнительным источником военной силы, которая могла быть использована для ведения войн на границе или для подавления восстаний. Династии Сельджукидов и Каджаров в Иране полагались почти исключительно на племенные армии. Однако в таких ситуациях племенные лидеры нередко рассчитывали на вознаграждение в виде военных ленов или административных должностей в обмен на предоставляемую ими помощь. Для того чтобы предотвратить создание такими племенами прочной политической базы, династии (например, монгольские Ильханы, Сефевиды и Османы) часто сдвигали с насиженных мест целые конфедерации и высылали их на границы империи, подальше от центра (Perry 1975).

Конфедерации, чьи лидеры выступали в роли связующего звена между кочевниками и государственными структурами, стали наиболее распространённой формой отношений между племенами и империями, особенно после 1600 г., когда могущество пограничных племён вступило в период необратимого упадка. Лидеры конфедераций стремились к политической автономии, но степень их независимости изменялась обратно пропорционально силе центральной государственной власти. Когда центральная власть была сильна, лидеры племенных конфедераций продолжали выступать в роли политических посредников между племенами и государствами и часто кооптировались в состав последних, получая субсидии для того, чтобы держать своих соплеменников под контролем. Эта форма непрямого управления, особенно среди кочевых народов, была гораздо более эффективной, чем попытки управлять ими с помощью регулярной бюрократии. Однако если государствам удавалось ослабить власть племенной верхушки и править напрямую, племя и племенная конфедерация как политические единицы разрушались (Krader 1963). Когда государства были слабы, лидеры конфедераций становились практически независимыми и превращались в важные политические фигуры во внутренней политике, нередко управляя соседними неплеменными народами в качестве представителей государства.

В обоих случаях отличительной особенностью лидеров этих конфедераций, выделявшей их из числа других политических фигур, было то, что они являлись законной властью для подконтрольных им племён. Внутри конфедераций ханы были эквивалентом правительства, вне зависимости от того, воспринимались ли они как угнетатели, действовавшие в интересах могущественной династии, или — при более удачном стечении обстоятельств — как защитники местного территориального и политического единства от притязаний извне. Такие лидеры, правившие сотнями тысяч человек, обладали, по словам Ибн Халдуна, «царской властью», которая давала им право требовать повиновения от подданных (применяя, если нужно, силу), собирать налоги, вершить суд и решать все внешнеполитические вопросы (Ibn Khaldun 1967: 120—121).

ГОСУДАРСТВО И ЭГАЛИТАРНЫЕ ЛИНИДЖИ

Возникновение царской власти внутри племенных обществ в Иране и Анатолии, так же как и неудачи в её становлении в других частях Ближнего Востока, были следствием не только внешнего давления, но и различий в структурных возможностях, которыми обладали племенные лидеры в деле создания и сохранения крупномасштабных конфедераций. Тюрко-монгольская модель конфедерации, хотя и выглядела эффективной, с трудом могла быть внедрена за пределами Ирана и Анатолии. Во-первых, она требовала мобилизации экономических ресурсов, имевшихся лишь на хорошо орошаемых нагорьях, где обширные степи и горные пастбища могли прокормить большое число кочевых племён. Во-вторых, она специально предназначалась для удовлетворения политических и экономических нужд племенных народов, занимавшихся кочевым скотоводством. В самом деле, для людей, знакомых только с тюрко-монгольскими племенами, понятие племенного уклада синонимично понятию кочевого скотоводства. Наконец, она предполагала политическую культуру, где допускалась иерархия и правящие линиджи или кланы могли обладать монополией на решение политических вопросов. Эти критерии не подходили для целого ряда важных племенных групп на Ближнем Востоке.

Государства, следовательно, сталкивались с противодействием совершенно иного рода, когда вступали в соприкосновение с коренными ближневосточными племенами с эгалитарной линиджевой структурой. Эти племенные группы, — например, курды и пуштуны — имели чрезвычайно глубокие исторические связи с теми землями, на которых жили, и успешно избегали как культурной, так и политической гегемонии тюрко-монгольских династий и своих соперников из числа племенных конфедераций. Хотя им часто недоставало формальных политических структур, их способность сопротивляться внешнему давлению была поразительной и сохранилась до наших дней.

Курды и пуштуны успешно защищали свою самостоятельность от многочисленных угроз, несмотря на то что не могли объединиться. Состоявшие как из оседлых, так и из кочевых племенных групп, они населяли сильно пересечённые горные местности, малопривлекательные для завоевателей, ищущих наживы, но выгодные с точки зрения ведения оборонительной войны. Они славились своим военным искусством и обычаями кровной мести. Недостаток формальной политической организации затруднял использование их вождей в качестве эффективных инструментов непрямого управления, поскольку те могли лишь убеждать соплеменников, но не повелевать ими. Ни Моголы, ни их британские преемники не смогли поддерживать полный контроль над северо-западными пограничными областями Индии (Yarr 1983; Ahmed 1980). Точно так же Иран, Ирак и Турция не продвинулись в деле покорения курдов дальше, чем их османские, сефевидские и каджарские предшественники (Bruinessen 1978). Империи, которые имели дело с этим типом племён, стремились действовать гибко, контролируя их на территории стратегически важных районов и периодически посылая против

них карательные военные экспедиции, но в целом предпочитая не вмешиваться в их дела (такая политика считается разумной и по сей день).

Как было отмечено выше, племена, описанные Ибн Халдуном, отвергли политическую иерархию, и эгалитарные оседлые группы играли не меньшую роль, чем кочевые. Власть в племени редко оставалась в руках представителей одного линиджа дольше чем на протяжении нескольких поколений, а надплеменная политическая организация обычно была продуктом религиозного лидерства. Хотя недостаток надплеменной политической и военной организации, очевидно, умалял шансы на завоевание других народов, при подходящих условиях он служил надёжной гарантией того, чтобы самим не оказаться завоёванными. Вокруг возникали и рушились тюрко-монгольские конфедерации, а курды и пуштуны оставались на своём месте. Они не только уберегли язык и культуру от враждебных тюрко-монгольских племён, но и смогли сохранить самостоятельность перед натиском современных государств. В конце XX в. курды и пуштуны всё ещё представляли собой серьёзных военных противников даже для армий сверхдержав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждение природы отношений племени и государства на Ближнем Востоке часто порождает споры, так как обычно считается, что все племенные народы, исповедующие ислам, в своих основных характеристиках сходны. В этой статье я попытался показать, что в данном регионе были представлены два типа племенной культурной традиции с присущими им различными формами политической организации: 1) эгалитарно-линиджевые группы, описанные Ибн Халдуном и связанные с региональными государствами в Аравии и Северной Африке, и 2) тюрко-монгольские племенные конфедерации, связанные с империями Иранского и Анатолийского нагорий. Динамика государственно-племенных отношений во многом зависела от типов взаимодействующих племён и государств. Тюрко-монгольские племена основывали династии и создавали крупные конфедерации, хищнически грабившие соседей. Арабские племена устанавливали с региональными государствами, с которыми у них были общие культурные традиции, более симбиотические отношения. Региональные государства редко соседствовали с крупными племенными конфедерациями, поскольку те, если оказывались рядом, обычно поглощали региональные государства. Эгалитарные племена успешно защищали свою самостоятельность, если им позволяли это сделать условия местности. Тюрко-монгольские конфедерации были ограничены областями травянистых нагорий и потому не представляли собой угрозы для бедуинских племён в пустыне. Оседлые племена, населявшие горные районы, успешно отражали нападения как племенных конфедераций, так и имперских государств.

Перевод с английского Д.В. Рухлядева

ЛИТЕРАТУРА

- Петрушевский И.П. 1960. *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Рашид ад-Дин. 1960. *Сборник летописей.* Т. II. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Саади. 1957. *Гулистан.* Пер. с перс. Р. Алиева, пер. стихов А. Старостина. М.: ГИХЛ.
- Ahmed A.S. 1980. *Pukhtun Economy and Society.* London: Boston and Henley.
- Asad T. 1972. Political Inequality in the Kababish Tribe. *Essays in Sudan Ethnography.* Ed. by I. Cunnison and W. James. London; New York, 126—148.
- Barfield T.J. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies*, vol. 41, 45—62.
- Barfield T.J. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China.* Oxford etc.: Blackwell.
- Barfield T.J. 1990. Tribe and state relations: The Inner Asian perspective. *Tribes and State Formation in the Middle East.* Ed. by P. Khoury and J. Kostiner. Berkeley, 153—185.
- Barth F. 1961. *Nomads of South Persia: The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy.* London: Allen & Unwin.
- Beck L. 1990. Tribes and the State in Nineteenth — and Twentieth-Century Iran. *Tribes and State Formation in the Middle East.* Ed. by P.S. Khoury and J. Kostiner. Berkeley, 185—225.
- Beck L. 1986. *The Qashqa'i of Iran.* New Haven: Yale university Press.
- Bloch M. 1961. *Feudal Society.* London: Routledge.
- Bosworth C.E. 1968. The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000—1217). *The Cambridge History of Iran.* Vol. 5. The Seljuq and Mongol Period. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 1—202.
- Bruinessen M.M., van. 1978. *Agha, Shaikh, and State: On the Social and Political Organization of Kurdistan.* Ph.D. diss., Utrecht: Utrecht University.
- Cole D. 1975. *Nomads of the Nomads. The Al Murrah Bedouin of the Empty Quarter.* Chicago: Aldine.
- Coon C. 1951. *Caravan: The Story of the Middle East.* New York: Holt.
- Crone P. 1980. *Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans-Pritchard E.E. 1949. *The Sanusi of Cyrenaica.* Oxford: Clarendon Press.
- Fletcher J. 1979—1980. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Eucharisterion: Essays Presented to Omeljan Pritsak.* Ed. by I. Ševčenko and F. Syn. (Harvard Ukrainian Studies). Vol. 3—4, pt. 1. Cambridge, Mass., 236—251.
- Fletcher J. 1986. The Mongols: Ecological and Social Perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 46, 11—50.
- Garthwaite G.R. 1983. *Khans and Shahs: A Documentary Analysis of the Bakhtiyari in Iran.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Gellner E. 1969. *Saints of the Atlas.* Chicago: University of Chicago Press.
- Gellner E. 1981. *Muslim Society.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Ibn Khaldun. 1967. *The Muqaddimah: An Introduction to History* (trans. Franz Rosenthal). Princeton: Princeton University Press.
- Inalcik H. 1976. The Rise of the Ottoman Empire. *A History of the Ottoman Empire to 1730.* Ed. by M.A. Cook. Cambridge, 10—53.
- Irons W. 1974. Nomadism as Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. *American Ethnologist*, vol. 1, no. 1, 635—658.
- Irons W. 1979. Political Stratification among Pastoral Nomads. *Pastoral Production and Society.* Cambridge, 361—374.
- Krader L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads.* The Hague: Mouton.
- Lancaster W. 1981. *The Rwala Bedouin Today.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Lattimore O. 1941. *Inner Asian Frontiers of China.* New York: American Geographical Society.
- Lewis B. 1966. *The Arabs in History.* New York etc.: Oxford University Press.
- Lindholm C. 1986. Kinship Structure and Political Authority: The Middle East and Central Asia. *Journal of Comparative History and Society*, vol. 28, 334—355.
- Lindner R.P. 1983. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia.* Bloomington, Ind.: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University.
- Mackerras C. 1973. *The Uighur Empire.* Columbia, S.C.: University of South California Press.
- Marx E. 1967. *Bedouin of the Negev.* New York: Frederick A. Praeger Press.

- Minorski V.F. 1948. *Hudud al-'Alam, 'The Regions of the World': A Persian Geography A.H. 372 — A.D. 982*. London: Gibb Memorial Trust.
- Napier G.C. 1876. Memorandum on the Condition and External Relations of the Turkomen Tribes of Merv. *Collection of Journals and Reports from G.C. Napier on Special Duty in Persia 1874*. London, 152—175.
- Perry J. 1975. Forced Migration in Iran during the 17th and 18th Centuries. *Iranian Studies*, vol. 8, 199—215.
- Peters E. 1967. Some Structural Aspects of Feud among the Camel-Raising Bedouin of Cyrenaica. *Africa*, vol. 32, no. 3, 261—282.
- Petrushevsky I.P. 1968. The Socio-economic Condition of Iran under the Il-Khans. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5. The Seljuq and Mongol Period. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 483—537.
- Rashid al-Din. 1971. *The Successors of Genghis Khan* (trans. John Boyle). New York: Columbia University Press.
- Sa'di. 1964. *The Gulistan* (trans. E. Rehatsek). London: Allen and Unwin.
- Sahlins M.D. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Smith J. 1970. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 30, 46—85.
- Ssu-ma Ch'ien. *Shi Chi*. Peking: Pona Press.
- Sweet L. 1965. Camel Raiding of the North Arabian Bedouin. *American Anthropologist*, vol. 67, 1132—1150.
- Tapper R.L. 1979. *Pasture and Politics: Economics, Conflict and Ritual among Shahsevan Nomads of Northwestern Iran*. London and New York: Academic Perss.
- Tapper R. 1990. Anthropologists, Historians and Tribespeople on Tribe and State Formation in the Middle East. *Tribes and State Formation in the Middle East*. Ed. by Philip S. Khoury and Joseph Kostiner. Berkeley; Los Angeles, 48—73.
- Watson B. 1961. *Records of the Grand Historian of China*. Vol. 2. New York: Columbia University Press.
- Woods J. 1976. *The Aqqyunlu: Clan, Tribe, Confederation*. Minneapolis: Bibliotheca Uslamica.
- Yapp M. 1983. Tribes and States in the Khyber, 1838—1842. *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. Ed. by Richard L. Tapper. London, 150—191.
- Yü Ying-shih. 1967. *Trade and Expansion in Han China*. Berkeley; Los Angeles.

TRIBE AND STATE RELATIONS: THE INNER ASIAN PERSPECTIVE

Thomas J. Barfield

The debate about the nature of tribe-state relations in the Middle East has often generated dispute because it is assumed that all Islamic tribal peoples are fundamentally similar. It has been argued in this essay that two types of tribal cultural traditions with different styles of political organization were present in the region: the egalitarian-lineage groups, associated with regional states in Arabia and North Africa; and the Turco-Mongolian tribal confederation, associated with imperial states on the Iranian and Anatolian plateaus. The dynamic of tribe-state relations depended largely on what type of tribe and what type of state. Turco-Mongolian tribes founded dynasties and formed large confederations having predatory relationships with their neighbors. Arabian tribes established more-symbiotic relationships with regional states with whom they shared a common cultural background. Regional states rarely faced large tribal confederations, for if they were nearby, so was an empire that devoured regional states. Egalitarian tribes succeeded in maintaining their autonomy to the extent that their territory was defensible. The Turco-Mongolian confederation was restricted to the grassland plateau areas and so posed no threat to desert tribes. Sedentary tribes successfully fended off attacks by both tribal confederations and imperial states when located in mountain regions.

Keywords: tribal confederations, egalitarian lineages, egalitarian (Arabian) tribal model, hierarchical (Inner Asian) tribal model, imperial states, nomads, Turco-Mongolian peoples, 'asabiyya, supratribal organization, segmentary opposition, conical clan.

REFERENCES

- Petrushevskiy I.P. 1960. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII—XIV vv.* [Agriculture and Agrarian Relations in Iran 13—14 Centuries]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Rashid ad-Din. 1960. *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. II. Translation from Persian by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Saadi. 1957. *Gulistan* [Gülüstan]. Translation from Persian by R. Aliev, poetry translation by A. Starostin. Moscow: GIHL.
- Ahmed A.S. 1980. *Pukhtun Economy and Society*. London: Boston and Henley.
- Asad T. 1972. Political Inequality in the Kababish Tribe. *Essays in Sudan Ethnography*. Ed. by I. Cunnison and W. James. London; New York, 126—148.
- Barfield T.J. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies*, vol. 41, 45—62.
- Barfield T.J. 1989. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Oxford etc.: Blackwell.
- Barfield T.J. 1990. Tribe and state relations: The Inner Asian perspective. *Tribes and State Formation in the Middle East*. Ed. by P. Khoury and J. Kostiner. Berkeley, 153—185.
- Barth F. 1961. *Nomads of South Persia: The Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy*. London: Allen & Unwin.
- Beck L. 1990. Tribes and the State in Nineteenth — and Twentieth-Century Iran. *Tribes and State Formation in the Middle East*. Ed. by P.S. Khoury and J. Kostiner. Berkeley, 185—225.
- Beck L. 1986. *The Qashqa'i of Iran*. New Haven: Yale university Press.
- Bloch M. 1961. *Feudal Society*. London: Routledge.
- Bosworth C.E. 1968. *The Political and Dynastic History of the Iranian World (A.D. 1000—1217)*. The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Seljuq and Mongol Period. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 1—202.
- Bruinessen M.M., van. 1978. *Agha, Shaikh, and State: On the Social and Political Organization of Kurdistan*. Ph.D. diss. Utrecht: Utrecht University.
- Cole D. 1975. *Nomads of the Nomads. The A1 Murrah Bedouin of the Empty Quarter*. Chicago: Aldine.
- Coon C. 1951. *Caravan: The Story of the Middle East*. New York: Holt.
- Crone P. 1980. *Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans-Pritchard E.E. 1949. *The Sanusi of Cyrenaica*. Oxford.
- Fletcher J. 1979—1980. *Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. Eucharisterion: Essays Presented to Omeljan Pritsak*. Ed. by I. Ševčenko and F. Sysyn. (Harvard Ukrainian Studies). Vol. 3—4, pt. 1. Cambridge, Mass., 236—251.
- Fletcher J. 1986. The Mongols: Ecological and Social Perspectives. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 46, 11—50.
- Garthwaite G.R. 1983. *Khans and Shahs: A Documentary Analysis of the Bakhtiyari in Iran*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gellner E. 1969. *Saints of the Atlas*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gellner E. 1981. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ibn Khaldun. 1967. *The Muqaddimah: An Introduction to History* (trans. Franz Rosenthal). Princeton: Princeton University Press.
- Inalcik H. 1976. *The Rise of the Ottoman Empire. A History of the Ottoman Empire to 1730*. Ed. by M.A. Cook. Cambridge, 10—53.
- Irons W. 1974. Nomadism as Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen. *American Ethnologist*, vol. 1, no. 1, 635—658.
- Irons W. 1979. *Political Stratification among Pastoral Nomads. Pastoral Production and Society*. Cambridge, 361—374.
- Krader L. 1963. *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton.
- Lancaster W. 1981. *The Rwala Bedouin Today*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lattimore O. 1941. *Inner Asian Frontiers of China*. New York: American Geographical Society.
- Lewis B. 1966. *The Arabs in History*. New York etc.: Oxford University Press.
- Lindholm C. 1986. Kinship Structure and Political Authority: The Middle East and Central Asia. *Journal of Comparative History and Society*, vol. 28, 334—355.

- Lindner R.P. 1983. *Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia*. Bloomington, Ind.: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University.
- Mackerras C. 1973. *The Uighur Empire*. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press.
- Marx E. 1967. *Bedouin of the Negev*. New York: Frederick A. Praeger Press.
- Minorski V.F. 1948. *Hudud al-'Alam, 'The Regions of the World': A Persian Geography A.H. 372 — A.D. 982*. London: Gibb Memorial Trust.
- Napier G.C. 1876. *Memorandum on the Condition and External Relations of the Turkomen Tribes of Merv*. Collection of Journals and Reports from G.C. Napier on Special Duty in Persia 1874. London, 152—175.
- Perry J. 1975. *Forced Migration in Iran during the 17th and 18th Centuries*. *Iranian Studies*, vol. 8, 199—215.
- Peters E. 1967. *Some Structural Aspects of Feud among the Camel-Raising Bedouin of Cyrenaica*. *Africa*, vol. 32, no. 3, 261—282.
- Petrushkevsky I.P. 1968. *The Socio-economic Condition of Iran under the Il-Khans*. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5. *The Seljuq and Mongol Period*. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 483—537.
- Rashid al-Din. 1971. *The Successors of Genghis Khan* (trans. John Boyle). New York: Columbia University Press.
- Sa'di. 1964. *The Gulistan* (trans. E. Rehatsek). London: Allen and Unwin.
- Sahlins M.D. 1968. *Tribesmen*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Smith J. 1970. *Mongol and Nomadic Taxation*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 30, 46—85.
- Ssu-ma Ch'ien. *Shi Chi*. Peking: Pona Press.
- Sweet L. 1965. *Camel Raiding of the North Arabian Bedouin*. *American Anthropologist*, vol. 67, 1132—1150.
- Tapper R.L. 1979. *Pasture and Politics: Economics, Conflict and Ritual among Shahsevan Nomads of Northwestern Iran*. London and New York: Academic Press.
- Tapper R. 1990. *Anthropologists, Historians and Tribespeople on Tribe and State Formation in the Middle East*. *Tribes and State Formation in the Middle East*. Ed. by Philip S. Khoury and Joseph Kostiner. Berkeley; Los Angeles, 48—73.
- Watson B. 1961. *Records of the Grand Historian of China*. Vol. 2. New York: Columbia University Press.
- Woods J. 1976. *The Aqqyunlu: Clan, Tribe, Confederation*. Minneapolis: Bibliotheca Uslamica.
- Yapp M. 1983. *Tribes and States in the Khyber, 1838—1842*. *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. Ed. by Richard L. Tapper. London, 150—191.
- Yü Ying-shih. 1967. *Trade and Expansion in Han China*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.